

**К ВОПРОСУ О КСЕНОФОБИИ:
БЫЛА ЛИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА
1939-1940 ГГ. «ВОЙНОЙ ЭРККО»?**

После окончания т.н. «зимней войны» прежний президент Финляндии Ю. К. Паасикиви назвал ее, войной министра иностранных дел того периода – Э. Эркко¹. Сейчас это является достаточно удивительным, поскольку в современных представлениях отечественной и зарубежной общественности глубоко утвердилось мнение, что на самом деле советско-финляндская война является, прежде всего, войной И. В. Сталина. Однако столь экстравагантное утверждение весьма известного финского государственного деятеля, который накануне возникновения этой войны сам лично вел переговоры в Москве, требует все же внимательного к данному заявлению отношения.

Тем не менее определенный ответ на поставленный Паасикиви вопрос был долгое время затруднен, поскольку личные архивные документы, принадлежащие Э. Эркко были недоступны для их изучения. Только в 2009 г. появилась первая работа, авторы которой, наконец, познакомились с ранее закрытыми документами из семейного архива бывшего финского министра иностранных дел². В результате, используя эту работу, а также другие исследования, мемуарную литературу и архивные источники можно постараться все же дать ответ, насколько правомочным было высказывание Паасикиви и какими мотивами он руководствовался, давая подобное определение причин начала «зимней войны».

Прежде всего, обращая внимание на ту политику, которую в 1939 г. пытался осуществлять финский министр иностранных дел, можно заметить достаточно очевидный факт, она, по крайней мере, характеризовалась крайней подозрительностью в отношении СССР, в сравнении с тем, каким образом финский МИД строил свои отношения с Москвой в предшествующий этому двухлетний период. Причем данная особенность в политике Эркко уже была предельно очевидна с самого начала его дея-

тельности на посту главы внешнеполитического ведомства Финляндии, поскольку сразу же после его назначения весной 1939 г. в Хельсинки прошли тайные советско-финские переговоры. На этих переговорах рассматривались вопросы безопасности, необходимой в условиях нарастающей опасности начала Второй мировой войны. Однако проявившаяся уже в тот момент подозрительность еще более усугубилась с периода возникновения мировой войны. Причем показательным являлось стремление Эркко рассматривать Финляндию как некий форпост Запада на границах с Советским Союзом и таким образом он видел политику своей страны в том, чтобы стараться не допустить распространения влияния СССР на страны Северной Европы.

Конкретно это проявилось уже в самый драматический период финско-советских переговоров в Москве осенью 1939 г.

Тогда в Хельсинки, главным образом, перед дипломатами различных стран ясно начали демонстрироваться образы Финляндии в виде некоего «западного форпоста». Особенно ярко подобная позиция представлялась, как это ни парадоксально, для Германии, которая тогда уже заключила сразу два договора с СССР. Один о ненападении, а другой о дружбе и границах. В результате, немецкий посланник в Хельсинки В. Блюхер в конце сентября 1939 г., оценивая взгляды Э. Эркко, прямо отмечал, что финский министр иностранных дел продолжал рассматривать германский фактор как некий «противовес русским»³. Неслучайно, поэтому Эркко в его беседе с немецким дипломатом явно подчеркивал, что Финляндия «никогда не примет» подобно Эстонии требований СССР⁴. Причем, как только 6 октября, в Хельсинки было действительно получено сообщение из Москвы относительно предложения о начале переговоров, Э. Эркко сразу же встретился с В. Блюхером. В состоявшейся тогда беседе он явно старался провести мысль, что ведение переговоров в Москве не только опасно для Финляндии, но может повредить и военно-политическому положению Германии. В силу этого Эркко хотел выяснить у немецкого руководства, «получит ли Финляндия какую-либо поддержку от Германии»⁵.

Никаких обещаний, естественно, Берлин не давал. Но удивительным оставалось другое, явно существующие субъективные представления Эркко о возможности получения некоторой помощи со стороны Запада. Причем опирались они на крайне четкие сведения, которые поступали в финский МИД. Сообщалось, в частности, что Финляндии «нечего бояться». К тому же имелись еще и данные о заявлении Геринга, согласно кото-

рому Германия могла занять еще более дружественную к ней позицию, «если положение Финляндии усложнится»⁶.

Эти неконкретные намеки, однако, финский министр иностранных дел явно преувеличивал. Особенно отчетливо позиция Эркко проявилась, когда 18-19 октября он совершил вместе с президентом Каллио поездку в Стокгольм, где произошла их встреча с руководителями северных государств. Там Эркко заявил, что «Советский Союз намеревается вести войну, используя опорные базы нейтралов». Но шведский премьер-министр П. А. Ханссон достаточно определенно на это ответил, что «если Финляндия окажется вовлеченной в войну, то Швеция не будет ей помогать»⁷. Тем не менее, после возвращения из Стокгольма Эркко утаил от других руководящих деятелей страны сказанное шведским премьером, а представил все в более светлых тонах⁸.

Совершенно очевидно, что уход Э. Эркко от объективно точного изложения позиции Швеции был следствием его стремления сохранять в лице Финляндии образ «западного форпоста» на границах с СССР, создавая определенное чувство оптимизма в политике четкой конфронтации в переговорном процессе с СССР. Более того, 10 октября Эркко в выступлении на заседании комиссии парламента по иностранным делам заявил абсолютно категорично: «Мы не на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»⁹.

Однако подобные заявления совершенно не отражали реального международного положения. Таким образом, представление о Финляндии, как о некоем «форпосте Запада», который, очевидно, предполагал для Хельсинки соответствующую помощь не давал желаемого результата. Это означало как минимум стратегический просчет финского министра иностранных дел. Поэтому, в данном смысле можно считать, что тем самым и давался ответ на мотивы того, почему Паасикиви возникшую войну назвал «войной Эркко».

Но здесь уже возникает второй вопрос, с чем была связана такая политика Э. Эркко?

И вот тут, прежде всего, можно заметить не просто проявление недоверия к соседней с Финляндией стране или демонстрацию принадлежности его государства к западному миру. Здесь можно явно увидеть еще откровенные черты жесткости в этой политике, которые трудно назвать искусством дипломатии.

В частности, Хельсинки не скрывали даже перед советскими дипломатическими представителями, что если СССР «попытается оказать давление, то получит сильный отпор»¹⁰. Еще до начала переговоров 10 октября Эркко официально заявил, что «Финляндия не может согласиться ни с каким нажимом...»¹¹.

Действительно, начавшиеся 12 октября советско-финляндские переговоры для обеих сторон оказались весьма сложными и стали затягиваться. Они продолжались целый месяц, причем за это время дважды прерывались, поскольку финская делегация возвращалась в Хельсинки для получения новых инструкций. Позиция же Э. Эркко в ходе рассмотрения советских предложений заключалась в том, чтобы продолжать проявлять твердость. Факт же того, что диалог в Москве продолжался, и советская сторона не сворачивала переговорный процесс, подкреплял уверенность в правильности избранной тактики. Как считали иностранные наблюдатели, находившиеся в Хельсинки, благодаря стараниям финляндского руководства в стране стал проявляться «осторожный оптимизм» в отношении финской твердой позиции¹².

К тому же Эркко сам лично способствовал тому, чтобы через печать и, в особенности, через принадлежавшую ему ведущую финскую газету «Хельсингин Саномат» формировалось общественное мнение не в пользу принятия компромиссных соглашений с Советским Союзом и, по признанию финских историков, весьма преуспел в этом деле¹³. В стране стали обильно публиковаться газетные материалы, в которых отдельные журналисты с уверенностью высказывались за то, что «Финляндия может успешно противостоять СССР». Делегации открыто предлагалось вести переговоры исходя из «полной независимости», поскольку «установленной вдоль границы артиллерии достаточно 2-5 минут, чтобы обрушить на Ленинград тонны стали».

Эту же мысль стремился довести до сведения финской делегации и сам министр иностранных дел. Он в напутствии главе делегации Ю. К. Паасикиви весьма красноречиво говорил в конце октября 1939 г.: «Забудь, что Россия великая держава»¹⁴. Другому же руководителю этой делегации В. Таннеру, он прямо советовал, что «нужно оставаться жесткими»¹⁵.

Более того, на третьем этапе переговоров, в конце октября 1939 г., как сообщал в Москву первый секретарь полпредства в Финляндии М. Г. Юданов, финляндское правительство вообще «распустило слухи о том, что делегация больше не поедет в Москву»¹⁶. Указанные слухи имели под собою почву, поскольку Э. Эркко в интервью журналистам север-

ных стран сказал, что правительство уже рассматривает данный вопрос. Этим, очевидно, имелось в виду продемонстрировать «твердость» занимаемой финским руководством позиции, поскольку Эркко активно продолжал убеждать, что «Советский Союз и дальше будет готов поторгаться»¹⁷.

Любопытном, однако, является тот факт, что особенно негативную реакцию на советские предложения в ходе переговоров финский МИД продемонстрировал, когда нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов 31 октября обнародовал советские предложения, выдвинутые на переговорах с Финляндией. Тогда же, 31 октября, в ночь Эркко предпринял попытку вообще приостановить диалог с советским руководством и вернуться в Хельсинки финляндскую правительственную делегацию¹⁸.

Более того, выступая на следующий день с публичной речью на своеобразном патриотическом митинге в Шведском театре Хельсинки, он был далек от дипломатического тона по отношению к Советскому Союзу. Предложения, внесенные делегацией СССР на переговорах в Москве, квалифицировались как проявление «русского империализма». В категорической форме Эркко заявил: «Финляндия знает, какой путь ей надо избирать...»¹⁹. В целом речь министра иностранных дел, по словам высокопоставленного сотрудника МИД'а Ааро Пакаслаhti, «соответствовала линии, которую он проводил до этого»²⁰. Такой путь, совершенно очевидно, мог вести к дальнейшей конфронтации с Советским Союзом и действительно был чреват возникновением войны. Но, по итогам своего выступления, Эркко удовлетворенно записал в дневнике, «выступил спокойно и это был успех»²¹.

Сами же переговоры продолжились, хотя из Хельсинки финской делегации пришло лаконичное указание: «Если не достигается соглашение... то прерывайте переговоры»²². А 12 ноября на пресс-конференции в Хельсинки Эркко заявил, что финская делегация не получит дальнейших полномочий для продолжения переговоров и ее члены должны возвратиться в Финляндию поскольку у них «есть другие важные дела»²³. Это был очевидный срыв переговоров и его причины стали на многие последующие годы предметом глубокого анализа ряда политиков и ученых-исследователей. Представляется наиболее правильным вывод, который сделал известный в Финляндии дипломат, историк и публицист Макс Якобсон. Он писал, что одной из причин того, что переговоры окончились неудачей, являлось «чрезмерное упорство» Э. Эркко²⁴.

Действительно, тогда советско-финляндские отношения оказались у опасной черты. Поразительным же при этом оказалось то, что в правительственных кругах Финляндии оценивали происшедшее не как предвестник явного кризиса в отношениях с СССР, а как даже определенный успех линии Э. Эркко, «не дрогнувшего перед Москвой». Что же касается финской делегации, которая вела эти переговоры, то В. Таннер уже после войны прямо подчеркнул то, что у самой делегации были весьма ограниченные возможности влиять на их исход. «Безрезультативность этих переговоров, – говорил он, – все же не является следствием действий Паасикиви или моих, как некоторым хотелось тогда представить, мы просили до самого последнего момента предоставить нам широкие полномочия»²⁵.

Объективно, необходимые полномочия финляндская делегация так и не получила. Имея свою особую позицию по ряду обсуждавшихся вопросов, она не смогла склонить правительство на свою сторону. Здесь политические настроения брали верх над реальностью. Э. Эркко по-прежнему считал, что дело до войны не дойдет. Эту мысль он подтвердил, за две недели до ее начала, выступая 15 ноября во внешнеполитической комиссии парламента²⁶. Не отступал от своей позиции в последующие дни.

Причем Э. Эркко буквально навязывал свою волю тем в правительственных кругах, от кого зависело принятие решений. Неоднократно он также прибегал к тактике ультиматумов, заявляя, что вообще готов уйти в отставку, в случае отказа от принятия выдвинутого им предложения²⁷. По словам его ближайшего помощника Ааро Пакаслаhti, министр тогда часто просто повторял, что «Советский Союз блефует» и по отношению к нему надо проводить «твердую линию»²⁸. Но эти заключения министра, однако, никак не могли соответствовать реальной действительности.

Тем не менее, допуская, что в проводившейся Э. Эркко политике просматривались очевидные просчеты могут, тем не менее, возникнуть вопросы - насколько его решения являлись судьбоносными для Финляндии и насколько вообще Эркко был влиятельной в финском руководстве фигурой, а также, почему он оказался в состоянии навязывать свою точку зрения другим высокопоставленным чиновникам страны, отвечающим за судьбы государства?

В действительности трагизм складывающейся для Финляндии ситуации заключался, прежде всего, в том, что Эркко, оказавшись в 1939 г. министром, смело пошел по пути монополизации в своих руках всей

внешней политики страны, играя непомерно большую роль в определении окончательных решений в этой области. Как премьер-министр Каяндер, так и президент Каллио особенно не вникали, что позволяло Эркко без помех осуществлять свою линию. Иными словами, у одного члена правительства оказались исключительные полномочия и самостоятельность при осуществлении внешней политики страны²⁹. В результате, «министр иностранных дел обычно требовал, – писал Пакаслаhti, – чтобы при принятии решения правительство ориентировалось на позицию, занимаемую им, то есть как именно он считал необходимым поступить»³⁰.

К этому еще следует добавить контроль финского министра иностранных дел за прессой и, прежде всего, за ведущей газетой страны «Хельсингин Саномат». Этот мощный инструмент формирования общественного мнения также помогал Эркко проводить свою политику в жизнь.

В результате формировалась парадоксальная ситуация, поскольку не все влиятельные представители финского руководства разделяли занятую Э. Эркко позицию. Глава финской делегации в Москве Ю. К. Паасикиви прямо выражал мнение, что надо было идти на соглашение³¹. Он открыто ставил вопрос об освобождении его от выполнения функций главы финляндской делегации и целесообразности выезда в Москву самого министра иностранных дел, который уже сам «пытался бы проводить свою прямолинейную политику»³².

Показательно, что и К. Г. Э. Маннергейм поддерживал позицию Ю. К. Паасикиви. В подготовленных при участии финского маршала в генштабе письменных рекомендациях содержалась мысль о том, что не следует идти на конфронтацию с Советским Союзом. Лучше, как он тогда считал, вносить контрпредложения и проявлять стремление к достижению соглашения, поскольку в противном случае, развивающийся ход событий, неминуемо мог привести к войне³³.

Реально, взгляды маршала исходили из трезвой оценки военных возможностей Финляндии и обстановки, которая тогда складывалась. В отличие от Эркко он хорошо понимал, что означает для великой страны, каковой являлся Советский Союз, поддержание своего авторитета на международной арене. Срыв же переговоров мог как раз нанести удар по его престижу. Поэтому, выступая против конфликта с Москвой, Маннергейм настаивал на уступках, считая, как справедливо отмечал финский ученый-юрист и международник Я. Вирмавирта, что «нельзя не считаться с авторитетом Советского Союза как сверхдержавы»³⁴. Маршал

передал свои предложения Паасикиви в виде альтернативного проекта, который касался возможности создания советской военно-морской базы на одном из небольших островов вблизи Ханко и территориальных уступок на Карельском перешейке. В отличие от большинства членов финляндского правительства Маннергейм понимал, что Советский Союз «не может просто отступить» от своих предложений, что ему нужно хотя бы «дать возможность сохранить лицо»³⁵. Но самое главное, по мнению маршала, заключалось в том, что правительство не располагало такой армией, которая бы «обеспечила избранную им внешнюю политику». Единственное, что он считал возможным и нужным в данных условиях, так это «достичь компромисса»³⁶. Аналогичного мнения был и влиятельный генерал-лейтенант Х. Эстерман, командовавший финскими сухопутными войсками. Паасикиви записал в своем дневнике сказанную Эстерманом фразу: «... Если начнется война с Россией, мы будем разгромлены»³⁷.

Тем не менее, у некоторых российских и финских историков при оценке рассматриваемых событий можно встретить утверждение, что предотвращение опасного их развития зависело не столько от позиции финляндского правительства, сколько от парламента и в целом от общих настроений в стране³⁸. Однако ситуация складывалась в стране как раз в диаметрально противоположном направлении. Как по этому поводу заметил в своих мемуарах вице-председатель парламента Э. Линкомиес, правительство при желании могло склонить парламент и общественное мнение страны к одобрению советских предложений³⁹.

В правительственных кругах такого стремления, однако, не наблюдалось. Как подчеркнул в своих дневниковых записях Пааво Талвела, который представлял в это время влиятельные промышленные и военные круги, Эркко и его единомышленники «втянули страну в войну, веря до последнего момента, что ее не будет»⁴⁰.

И вот тут, уже необходимо перейти к собственному рассмотрению личного образа Э. Эркко. Этот образ оказывался достаточно оригинальным. Прежде всего, Эркко характеризовался не только как человек, которому были свойственны «волевые и энергичные» качества. Он еще являлся крайне «капризным», что со своей стороны сочеталось с манерой поведения, когда Эркко постоянно «действовал бесцеремонно, считаясь лишь с таким мнением, которое соответствовало его взглядам и интересам»⁴¹. Одновременно, к этому следует добавить, что министра иностранных дел находили еще и «недостаточно культурным человеком»,

качества, которые как раз и проявились в его «публичных выступлениях по важнейшим вопросам внешней политики» своей страны⁴². При такой форме поведения, естественно, важнейшим становились эмоции и чувства, которыми он руководствовался. А эти эмоции имели явно антирусскую направленность.

Здесь явно уже проявлялись элементы ксенофобии, которые выражались в нетерпимости к чему-либо чужому, незнакомому, непривычному, где восприятие этого чужого происходило в виде непонятого, непостижимого, а поэтому опасного и враждебного. Как раз, именно подобные чувства у Эркокк явно были воздвигнуты в ранг мировоззрения.

Мотивировкой же существовавших у него антирусских взглядов, как можно предположить, являлось то, что они, очевидно, сложилось под влиянием жены – дочери английского инженера, проживавшего в России, но потерявшего в период революционных событий 1917 г. там все и вынужденного затем эмигрировать в Финляндию⁴³.

Однако, говоря о роли семьи, очевидно, также следует учитывать и другое. Антироссийские настроения играли для будущего министра определяющую роль еще в условиях устойчиво существующих в финском обществе своеобразных русофобских настроений. Известный финский государственный и политический деятель О. Фрич, стараясь охарактеризовать особенности взглядов по отношению к России, существовавших среди финского населения в 30-е годы, писал, что тогда «фактически, через леса и болота проходила не только хорошо охраняемая линия границы, разделявшая российскую и финскую территорию..., там после отделения Великого княжества Финляндского от царской империи проходила Китайская стена, такая высокая и широкая, что бывавшие в Выборге и Хельсинки иностранцы нередко удивлялись тому, что мы в Финляндии знаем о России гораздо меньше, чем многие другие в мире». Далее же он отметил: «Финляндия смотрела на Россию, как на что-то странное, чего не знала, не понимала, а также вообще не хотела знать и понимать»¹⁶.

В подобной среде, естественно, трудно было найти какие-либо возможности для достижения реальных договоренностей с СССР. Причем Фрич, в данном случае, явно признавал проявление здесь очевидного финского национализма, унаследованного в определенной мере от прошлого царского периода и отчасти внедрившегося в сознание людей в годы независимости в качестве обстоятельства, особо негативно влиявшего на отношение к СССР. Вообще же, он считал, наличие в Финляндии всей совокупности спаянных воедино общественных, исторических и

психологических факторов, которые были присущи финскому народу, обусловило в конечном счете трудности «найти путь к взаимопониманию между Финляндией и Россией». И Эркко был ярким в этом отношении представителем и выразителем этих настроений.

Эти настроения, однако, можно со всей очевидностью квалифицировать, не только как проявление ярко выраженной ксенофобии. У него явно присутствовало еще сугубо финское мировоззрение, которое устойчиво существовало в 1920-1940 гг. у определенной части финского общества. Оно выражалось не столько в проявлении русофобии, но и в одновременной непреодолимой ненависти ко всему русскому. В Финляндии это явление называется – «рюссявиха». Причем, как отмечает по этому поводу финская исследовательница В.-Т. Вассара: Это явление «охарактеризовать... только как русофобию нельзя. Фобия выражает, прежде всего, непреодолимый страх, а сущность “рюссявиха” не настолько однозначна». Исследовательница замечает, что в «рюссявиха» присущи такие качества, как «упрямство и бесстрашие». Кроме того, по ее мнению, еще «в “рюссявиха” были, безусловно, элементы расизма, реакционности, уверенности в превосходстве финнов над русскими...»⁴⁴. Вот именно этот сложный клубок где-то противоречивых по своей сути качеств был характерен и для Э. Эркко.

У него негативное отношение к соседней стране проявлялось буквально во всем. Эркко откровенно и недолюбливал соседнюю страну и одновременно недооценивал Советский Союз, считая его опасным и одновременно крайне слабым государством. Особенно хорошо это было заметно, когда со страниц принадлежащей ему газеты «Хельсингин Саномат» была в 1937-1938 гг. развернута компания с пропагандой военной слабости СССР. Он был также вполне удовлетворен провалом попытки нормализации Финляндией своих отношений с Москвой в 1937 г. Советских лидеров Эркко также воспринимал крайне критично. В частности, В. М. Молотова он ехидно называл «ботаником, с которым невозможно договориться»⁴⁵.

Но самым выразительным в этом отношении были дневниковые записи самого Э. Эркко. В них он весьма откровенно изложил свою позицию в момент срыва советско-финляндских переговоров в Москве. Он записал, что готов отказаться от всего, «чтобы спасти страну от войны». Но далее он добавил, что «я не могу отступить принципов»⁴⁶. И в этом, как раз, и находится квинтэссенция того, что в конечном итоге привело Финлян-

дию к войне. В этом, очевидно, также можно еще увидеть ответ почему Паасикиви «зимнюю войну» назвал «войной Эркко» и почему советские инициативы в конце 30-х годов не получили поддержки с финской стороны, оказавшись, в конечном счете, полностью бесплодными.

¹*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. Porvoo; Hels., 1973. S. 131; *Kleemola P.* Helsingin Sanomat sanavapauden monopoli. Hels., 1981. S. 26; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 203.

²*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009.

³Documents on Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 153.

⁴*Ibid.* P. 148.

⁵*Ibid.* P. 231.

⁶*Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 51.

⁷Так пересказал впоследствии слова Л. А. Хансона Т. М. Кивимяки. (*Kansallisarkisto /KA/*, Kivimäen kokoelma. Т. М. Kivimäki kertonut, 4.4.1960).

⁸*Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. // Suomen historia. Os. 7. Espoo, 1989. S. 280; *Julkunen M.* Suomi keväästä 1938 talvisotaan // Kansakunta sodassa. Os. I. Hels., 1989. S. 108; *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 260.

⁹*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 238-239.

¹⁰*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 128-129.

¹¹Цит. по: *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 75; Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

¹²Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 5 C 1. Lontoon-lähetystön raportti. 20.10.1939.

¹³Helsingin Sanomat. 1939. 18, 19, 25.10; *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen - myytti vai todellisuus? Juva, 1984. S. 337.

¹⁴Цит. по: *Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985. S.187.

¹⁵*Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. Hels., 1966. S. 248.

¹⁶Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 283.

¹⁷*Myllyniemi S.* Suomi sodassa 1939-1945. Keuruu, 1982. S. 66.

¹⁸*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 154.

¹⁹UM. 109 A 10. Pääministeri Rydin ja ministeri Erkon puheet.

²⁰*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 167.

²¹*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 273.

²²*Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. . 1939-41. Os. I. Porvoo, 1958. S. 86.

²³Helsingin Sanomat. 1939.13.11.

²⁴*Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Porvoo, 1955. S. 256.

²⁵КА. Mannerheimin kokoelma. 617. Sotasyllisyys (10.12.1945-21.12.1945), 17.12.1945.

- ²⁶*Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 281.
- ²⁷См.: *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 213, 266, 279, 286.
- ²⁸*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 163-164,
- ²⁹*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. S. 114-115; *Hokkanen K.* Kyösti Kallio Os. 2., Porvoo; Hels.; Juva, 1986. S. 252-253.
- ³⁰*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 171.
- ³¹*Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 70.
- ³²*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 164-165.
- ³³*Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. Keurull, 1980. S. 330.
- ³⁴*Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 65.
- ³⁵Там же. С. 66.
- ³⁶*Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 333.
- ³⁷*Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 66.
- ³⁸*Холодковский В.* Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 1 янв.
- ³⁹*Linkomies E.* Vaikea aika. S. 46-47.
- ⁴⁰*Talvela P.* Sotilaan elämä. Os. I. Jyväskylä, 1976. S. 153.
- ⁴¹Цит. по: *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen - myytti vai todellisuus? Porvoo; Hels.: Juva, 1984. S. 241.
- ⁴²*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 198-199.
- ⁴³*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. S. 81.
- ⁴⁴*Vacara B.-T.* Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 246.
- ⁴⁵*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. S. 212.
- ⁴⁶*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 278.